

5 5 5 5 5 5 5 5 5
18
17
= 19
6 декабря.
 $20 - 7 = 13$ $17 - 4 = 13$ $13 + 6$
 $20 - 4 = 16$ $19 - 6 = 13$ $14 +$
15 11 +

Александр Раков

Повторение пройденного...

Былинки

Александр Г. Раков
Повторение
пройденного... Былинки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43056714

Повторение пройденного... Былинки / Александр Раков: Сатиcъ;

Москва; 2008

ISBN 5-7668-0081-4

Аннотация

И новой книге «Былинок» Л. Г. Раков продолжает разговор со своими читателями – доверительный и откровенный. Название книги – «Повторение пройденного» – даёт повод и читателю обратиться к своей душе, что-то вспомнить, о чём-то задуматься. Стихи, включённые в диалог автора и читателя, расширяют пространство книги и дают нам редкую возможность услышать поэтическое слово.

Содержание

Новый литературный жанр	5
Урок первый	8
Предисловие автора	8
Пожелание издателю книги	11
Письма читателей	12
Страшно попасть в такую вот переделку	18
Словно тонкие линии на ладони твоей	25
Мелкие случайные победы полноты и счастья не дают	29
Чужое горе – оно как овод...	34
Что таракану жизнь?	43
«...И больше – никакова!»	51
Никогда, никогда ни о чем не жалейте	58
«И стал я ни хороший, ни плохой»	63
«С добрым утром!», «Добрый вечер!»	68
Сварен суп. Пора делить приварок	76
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Александр Раков
Повторение
пройденного... Былинки

По благословению

Архиепископа Бельгийского и Брюссельского

СИМОНА

© А.Г. Раков, текст, составление. 2008

© Издательство «Сатись», 2008

Новый литературный жанр

Хочу сказать несколько добрых слов, которые должны согреть душу Александра Григорьевича Ракова как писателя. Я, литературовед со стажем, знаю, что современных православных почти не интересует, среди кого они живут: кто велик, кто пишет действительно то, что станет бессмертным, а кто ныне знаменит, а потом его имя только специалисты будут помнить. Должен сказать, что обычно люди представляют себе уровень, значение и место того или иного деятеля искусства в зависимости от уровня его талантливости. Это совершенно неверно и не соответствует действительности – ни исторической, ни живой. Потому что есть произведения мёртвождённые, то есть сочинённые, из жестинок сложенные, пусть даже и очень талантливые, а есть – живые, которые прорастают из человеческой души. Но тот, из чьей души это прорастает, как правило, не может дать себе ясного отчёта, что растёт, откуда растёт, почему растёт и что в итоге вырастает. А со стороны это лучше видно. Конечно, как современник, я не могу совершенно определённо сказать, в каком ранге Александр Григорьевич окажется в будущем, это рассудят время и любовь читателей. Но могу сказать абсолютно правдиво: Александр Раков пишет настоящее, живождённое, потому что оно перетекает из души писателя в наши души. Кроме того, то, что пишет Раков, – значительно.

И читатель чувствует, осознаёт, что в былинках есть нечто, совершенно ни на что не похожее, нечто, чего нельзя назвать иным словом, кроме того, которое писатель сам нашёл – **БЫЛИНКИ**, то есть то, что было, правда жизни.

Ю.К. Руденко

Чуткий читатель понимает, что в былинках есть что-то родное, коренное – то, что в литературном процессе называется узнаваемой традицией. Эта маленькая прозаическая миниатюра, рождённая когда-то Тургеневым, потом продолженная некоторыми другими классиками, у Александра Григорьевича выглядит как исповедь. Но – и в этом изюминка! – к каждой былинке обязательно добавлена поэзия. Как правило, это поэзия не авторская – чужая, но прочувствованная, пережитая писателем, составляющая внутренний контрапункт того, что исповедует Раков. Былинки – это рождённый, открытый Александром Григорьевичем новый жанр литературной миниатюры.

Руденко Юрий Константинович,

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории западноевропейской и русской культуры исторического факультета Санкт-Петербургского государственного Университета

Урок первый

Предисловие автора

*Жизнь – Правдою права и тишиной – разведка.
Прекрасные слова произносимы редко. Вдогонку
кораблю спешит ночная птица. Печальное люблю
однажды говорится. Потом из тёмных стен
спешит гулять по свету в мучительный размен на
мелкую монету. И юную печаль тревожит старой
тенью, заманивая в даль к пустому повторенью.
Михаил Дудин † 1993 Ленинград*

Как-то по-школьному звучит название книги, вам не кажется? Ну да, «школьные годы чудесные» в такой далекой дали, что уже и симпатичные одноклассницы вспоминаются с заметным трудом. А учителя и подавно. Да и «танцевать я давно разучился и прошу вас меня извинить». Но название это я дал совсем не случайно: жизнь наша состоит из разных по значимости эпизодов, которые я называю «былинками»: это события в личной, трудовой, церковной и духовной жизни. По-разному влияя на самую нашу жизнь, сцепляясь с другими, они и создают тот стержень, который крепит наше существование на земле, соединяет или, наоборот, отъединяет от Бога.

С момента Таинства Крещения Господь нежно берет нашу ладошку в Свою и бережно ведет по жизни. Если не получается сразу, Он терпеливо повторяет задание, потом дает возможность справиться с ним самостоятельно. Бывает, что ученик остается и на второй год – для вящей пользы. Час за часом, день за днем, год за годом мы под водительством Учителя набираемся ума-разума, укрепляемся духовно, готовимся к жизни вечной.

А так как ситуации, душевные переживания, драмы и даже трагедии у самых разных людей весьма схожи, то я с уверенностью могу сказать, что описанные мной «былинки» по сути своей близки очень и очень многим. Другое дело, как мы находим, если получается, выход из создавшихся положений. Вот здесь наш безценный опыт может пригодиться всем – при случае – дабы не повторять чужих ошибок.

Вот вкратце мое объяснение «школьному» названию книги.

Мы любим новизну,
А больше – повторенье:
За волнами волну,
За ночью – пробужденье.
Молитва или песнь,
Признание или праздник,
Раз повторенье есть,
То жизнь еще прекрасна!
За миг и мир возник!

Любовь и вдохновенье —
Неповторимый миг,
А словно – повторенье.
Пусть, как в засаде рысь,
Готовит жизнь развязку,
Мы жизнь, как в детстве сказку,
Упросим: повторись!

Кирилл Ковальджи † 2003

Пожелание издателю книги

Редактор мой, прости-ка, не досаждай перу: велишь убрать «былинку», а я не уберу. Ее ловил я смутно, искал ее следы в сомнении минутном, в молчании звезды. В покинутой отцами безбрежности веков, в несбыточном мерцанье далеких огоньков. Она в осенней прели, в улыбке старика, на мокрой акварели – в лиловости мазка. И в камне, и в железе я выискать берусь особую, поэзии доверенную грусть. Она строку держала, томилась, как птенец, и без нее, пожалуй, стихам моим – конец.

Яков Аким

Письма читателей

Дорогой Александр Григорьевич!

Прикипела я к Вашему таланту – об этом Вам и пишу. В руках держу «На милость дня», не решаясь поставить на полку, на которой и «Былинки» с Вашим автографом, и другие Ваши книги, приобретенные на выставке и перечитанные по несколько раз. Почти в каждой нахожу себя, только в других аспектах. Поэтому-то и перечитываю еще и еще, желая побыть с Вами, с Вашей искренностью и щедрой добротой без лицемерия, без вуали тщеславия. Светлой надеждой пропитаны даже тяготы действительности. Более того, на собственных примерах рассказываете читателю о преображении Души. Удивительно просто описаны истины Православной веры в повседневной жизни. Восхищаюсь Вашим мужеством, с каким Вы добровольно отдаете себя на суд читателя.

Газета «Православный Санкт-Петербург» для меня – единственный свет в окне. И как же нам всем нужно молиться и просить Господа сохранить и укрепить Вас на многая и благая лета, а не на шесть годков – пока подготовите себе достойную смену... Ко всем эпизодам «Записок редактора» примеряю себя и сопереживаю вместе с Вами, часто нахожу в них ответы на свои вопросы.

Хочу поблагодарить и терпеливую супругу редактора Валерию, за которую молюсь непрестанно.

С уважением, Анна Николаевна Ефимова, СПб.

Александр Григорьевичу Ракову – вдумчивому писателю русской жизни, вдохновенному пропагандисту отечественной поэзии!

В рассказах он неодинаков,
Александр Григорьич Раков.
И не найти у всякого
Того, что есть у Ракова.

Дружески, Николай Рачков, СПб.

Здравствуйте, уважаемый Александр!

Мне 29 лет, родом из Питера, но сейчас живу в Харькове, на Украине. Вашу книгу «На милость дня. Былинки» скачал из интернета; **ОЧЕНЬ** давно не читал ничего подобного – светлого, доброго, **НАСТОЯЩЕГО**, родного. Огромное спасибо за Ваш большой труд, низкий Вам поклон и дай Вам Бог здоровья.

С уважением, Максим Юрьевич Давыдов

**Многоуважаемый, дорогой
Александр Григорьевич!**

Спешу сообщить Вам, что книгу Вашу «На милость дня. Былинки» получил в полной сохранности и приношу Вам за эту «книжицу» сугубую благодарность. «По вкусу» сей труд

Ваш и мне, и тем, кому я дал возможность познакомиться с нею. Многие спрашивают, где можно приобрести ее, а то «разбредется она по свету», – как справедливо пишете Вы, – «и не сыщешь потом» ее нигде.

Спаси Господи Вас и супругу Вашу Валерию за этот великий и очень интересный труд. Будьте всегда здоровы и Богом хранимы.

С искренним уважением и любовью о Господе, настоятель храма Спаса Нерукотворного Образа протоиерей Михаил Сечейко, СПб.

Былинки Александра Ракова!
Не все их любят одинаково.
Но я их вновь и вновь читаю,
Мне не хватает даже дня:
Они, как рашпилем, счищают
Густую ржавчину с меня...

Алексей Логунов, г. Новомосковск

Уважаемый Александр Григорьевич!

Хотел бы поблагодарить за подаренную книгу «У раскрытого окна. Былинки». Когда я ее прочитал, мне стали понятны ваши частые воспоминания о родителях. Очень интересны ваши жизненные наблюдения. Подобным зачитывался у В. Солоухина.

Не могу не сказать о газете «Православный Санкт-Петербург». Это ваше сокровище. От нее веет домашним уютом; прочитанное становится родным. Особенно нравятся заметки о приходах и батюшках под рубрикой «История епархии». Чувствуется, что пишется с любовью.

Помощи Божией вам и вашим со-трудникам в этом благородном деле.

Иеромонах Никифор,

Важезозерский монастырь, Карелия

Дорогой Александр Григорьевич!

Добрая почтальонша принесла вашу книгу прямо на дом. Я ее пока выборочно посмотрел и понял, какой титанический пласт вы свернули. Но книга получилась – объединение, не оторвешься. Она вызывает в душе сильный резонанс. Все стороны нашей жизни отражены в исповедальном стиле. Стихи тоже удивительно синхронно подобраны к текстам. Воздействие ваших книг набирает силу от книги к книге.

Из журналиста вы выросли до степени мастера... Без сомнения, они переживут автора, являясь отражением современного несуразного быта во многих его гранях, написанных в оригинальном жанре, как документ эпохи. Об этом свидетельствует Ф. Тютчев – былинка долговечнее гранита и тиранов мира сего.

С уважением,

Валерий Лялин, писатель, СПб.

В Риме

Когда средь Рима древнего сооружалось зданье
(То Нерон воздвигал дворец свой золотой)

Под самого дворца гранитною пятой

Былинка с кесарем вступила в состязанье:

«Не уступлю тебе, знай это, царь земной,

И ненавистное твое я сброшу бремя».

— Как, мне не уступить? Мир гнется подо мной! —

«Весь мир тебе слугой, а мне слугою — время».

Федор Тютчев † 1873

**Дорогой Александр Григорьевич,
с состоявшимся объединением!**

Благодарю за интервью — я всегда очень благодарен Вам за содействие.

Ваша новая книга мне понравилась — она, как и прежние книги, — берет своей простотой, искренностью, ясностью и честностью. Ведь сказано — где просто — там Ангелов до ста! Дай Бог новых книг Вам и нам (вашим читателям).

*С любовью о Христе, инок Всеволод (Филиппев),
насельник Джорданвилльского монастыря, США*

Саша!

Я получил твои книги, спасибо. Читаю медленно, поэтому высказываю предварительное мнение. Удивительно хороший стиль и манера беседы с читателем. Ни одно слово не

вызывает возражений, разве только странно, что ты пишешь приставку бес- через «з». Чувствую, что ты действительно работаешь над словом и фразой. Обилие удачно подобранных стихов усиливает впечатление. Если себя и хвалишь, то не часто и не громко. Так что хочу поздравить тебя с большим успехом. Если жанр прежних книг был все же знакомым, то жанр «На милость дня» – твое изобретение и приобретение.

Обнимаю, твой брат Эдик

Страшно попасть в такую вот переделку

Строго берегли наши вологодские предки лес – великий дар Божий, не рубили сплеча да где попало; вдоль рек и речушек деревья совсем не трогали: разумели, что без них обмелеют речки и рыбы не станет; на дрова рубили один сухостой, загустевший молодняк прорубали, чтоб рос лес вольно, а для хозяйства делянки находили подальше от деревни. Образования агрономического не имели, а опытно знали, что и болота нельзя осушать бездумно – все в природе уравновешено. Для постройки избы сосны выбирали долго, присматривались, с какой стороны мох, сколько лет, течет ли смола, – и рубили столетние деревья после трескучих морозов; да умели корнать правильно и сушить ровно, и сколько положено. Венцы бревен только топором подрубали, а не пилой, – чтобы поры закрыть; потому и дом не гнил. Вот и стоят избы прадедов наших лучше каменных, и дышится в них легко, и простор виден на все четыре стороны.

Лес, – говаривал плотник знакомый, – ежели спел да смолист – материал для избы самолучший, исконный, хоть о нем сочиняй мадригал. Коль бревно без живого-то сока – то бревно нипочем не бери. В нем не будет ни срока, ни проку, ну а главное – духа внутри. Без природного крепкого духа позавянет не только жильё.

Человека постигнет разруха, и забудет он имя свое.
Александр Веденеев

Теперь дедовых лесов на Вологодчине не сыскать: повырбали временщики руками спившихся мужиков столетние

боры, которые деды для нас оставили, чтобы мы, взяв меру, своих детей не забыли. Старший московский брат, у которого на Шексне изба-дача сработана, говорит, что того леса, что Дубровой зовется, куда мы за грибами несколько десятилетий назад ходили, почти не осталось – вырубил и то ли финнам, то ли в Китай за безценок продали. Ну и живности мало осталось.

И валятся с треском лесины на мох,
Давя молодняк под собою,
И слышен прощальный,
Пронзительный вздох
Под грубой, столетней корою.

И мечутся птицы, и белки летят
По кронам, где высь бирюзова, —
Остаться без корма они не хотят,
Им страшно остаться без крова.

Брусничные россыпи были вокруг,
Увидеть такое – отрада.
И дятел, как плотник, работал: тук-тук
До поздней поры листопада.

И вот только пни, да валежник-сукач,
Да черная гарь от пожара,
Да слабый, прерывисто-глохнувший плач,
Где было брусники так много...

Иван Переверзин

Но я не об этом хотел. Водятся еще в той местности медведи. Однажды охотники, убив медведицу, принесли с собой крохотного медвежонка, а когда выходили, устроили его ради забавы на базу отдыха в селе Новленском. Не знавший леса медвежонок вырос в добродушного и веселого медведя по кличке Митрофан; он и привлекал в эти места отдыхающих. Держали его в клетке, выпускали на длинной цепи, и никаких увечий или страха потешный Митрофан не вызывал. Глядишь, так бы и прожил он свой медвежий век с людьми, но у животных, как у людей своя судьба.

Дед ослеп. «...С ружжом – не кабы-абы:
мстит оно – нечистого похлест...
В лебедь не стреляй: она ведь баба —
слабнет в месяц раз... А в шшуке – крест.
Моду взяли – в шшучину зарядом!
Крест в башке, такой прозрачный хряс —
Божья мета. Шшуку есть не надо —
век в два раза длиннее, чем у нас...»
Знал бы дед!.. И шуку мы, и птицу,
и реку, и небо, и помет...
Землю жрем – не можем подавиться...
Дожили!.. Возмездие идет.

Свешана Соловьева

Посетил нашу страну летом испанский король Хуан Кар-

лос I и возжелали его величество поохотиться на медведя. Слово короля – закон. Тут и пересеклись, к несчастью, пути вологодского медведя с монаршей особой. Медведя посадили в клетку и привезли к месту охоты. Щедро напоили его водкой, смешанной с медом, и пустили в поле. Трудно ли попасть из карабина в грузное пьяное животное? Его величество Хуан Карлос I уложил Митрофана с первого выстрела. Вот и вся история. Остальное уже неинтересно. Выделанную шкуру, говорят, король увез в свой дворец. Когда охота получила огласку, начались отпираания: мол, медведь пытался выйти на волю, сломав прутья решетки, и его застрелил егерь; что никаких медведей, дескать, король пальцем не трогал, а забрался в вологодскую глухомань воздухом подышать... Только пуста стоит медвежья клетка, и горюет по нему подруга-медвежица, а люди говорят, что мишка, выросший с людьми, был добродушным увальнем.

Нет теперь, видно, спасения ни рыбе, ни птице, ни зверью дикому от страшного двуногого зверя, называющего себя человеком. Да и сам он – долго ли протянет...

Медведь

Лапой крушил молодые дубки,

Бор оглушал, рыча.

И были жилы его крепки,

И кровь была горяча.

Ранней весной из берлоги – вон!

Гнилью разит листва.
На ветках звон, и в ушах звон,
И кружится голова.

Зиму наскучило спать да говеть,
Он по натуре не крот, —
Идет, пошатываясь, медведь,
Шерсть о кору трет.

Шел, пошатываясь, медведь,
Все по-новому замечал
И лишь потому, что не мог петь,
Р-р-рычал.

Лет своих никогда не считал,
Товарищей не имел.
О лучшем думать и не мечтал,
За то, что есть, постоять умел.
Врагов о милости не молил,
Не ведал земной тоски,
Медвежатников наземь валил,
Ломал рогадины на куски.

Но из-за дерева – из-за угла —
Ничтожная пуля его подсекла.
Даже меха не повредила
Дырочка тоненькая, как шило,
Но кровь, на месте застыв, остыла,
И стали дряблыми жилы.

Ему ножом распороли живот
Без всяких переживаний.
Мочили, солили, сушили – и вот
Он стал подстилкой на диване.

На нем целуются, спят и пьют,
О Пастернаке спорят,
Стихи сочиняют, песни поют.
Клопов керосином морят.

В центре Москвы, от лесов вдали,
Лежит он, засыпанный пудрой дешевой.
Как до жизни такой довели
Его, могучего и большого?

Оскалена жалко широкая пасть,
Стеклянные глаза-гляделки.
Посмотришь – и думаешь: страшно попасть
В такую вот переделку.

Александр Межиров

Словно тонкие линии на ладони твоей

Что происходит со мной? На далеком солнце вспышка – ия день-деньской провожу в постели; труд в газете, которую я любил больше жизни, кажется теперь утомительным и однообразным; я стал раньше уходить домой для экономии сил; кому-то уже понадобился мой рабочий стаж для начисления пенсии; в душе неведомое до сих пор смутное томление от наделанных непоправимых ошибок и впустую прожитых дней: и прошлое страшит, а будущее манит к себе. И уже не столько боишься смерти, как стать обездвиженной обузой жене; и читаешь брошюрки о разнице между инфарктом и инсультом...

Даже поздняя любовь привлекает не чувственной стороной, не концом или апофеозом, а разрозненными крохотными кусочками воспоминаний – словом, сказанным тебе, розой в дрожащей от волнения руке, даже поцелуем, который долго помнишь на вкус, юношеским ожиданием встречи, тенью колеблющейся свечи над головой...

В мире, жестоком и грубом, я вспоминаю одно:
сладкие ждущие губы и глаз голубое дно.

А.Р.

Но это случается, признайтесь честно, практически с каж-

дым стареющим мужчиной.

Влюбиться в дороге, в попутчицу, сразу —
как будто взаправду... И помнить потом
и смех её тихий, и странную фразу,
и путь её, высланный жёлтым листом...

Влюбиться, забыться, и сразу расстаться,
и вслед ей смотреть из окна на большак...
Как всё это страстью могло показаться?
А если не страсть — то запомнилось как?

И как этот миг удивительно долог —
нежданный, сквозь годы прочерченный след:
пустой полустанок, дорога в посёлок
и в свете заката — её силуэт?

Семён Ботвинник, СПб. † 2004

Но потом постанывающее от незабытых страданий сердце
даст пищу размышлениям на все оставшиеся годы. Подер-
жать за руку, рассмотреть линии твоей ладони, подарить
милый пустячок, нацарапать четверостишие, просто поси-
деть молча рядом — неведомые удовольствия, которые рань-
ше я считал за ничто, ищут повода для повторения.

Как знать, что станет со мной,
Что мне достанется...
Прошу о милости одной —

Дожить до старости.

Ещё минует этот день,
Ещё он кончится,
И будет новая ступень,
Где всё – как хочется,

Где ни тебя, ни прочих бед
И ни усталости,
И так на много-много лет
До самой старости.

И если встретимся опять —
То волей случая,
И если буду вспоминать —
То только лучшее.

Ольга Савельева

Время сжалось – и ты умудрился, отдав то, чего требовала жизнь, оставить себе часть сил и нажитый опыт, открыла возможность заглянуть в не зримую юностью суть вещей.

Счастье для стариков, если в них осталась любовь к науке, к музыке, к театру, вообще известная восприимчивость к внешнему миру... То, что человек имеет в себе, никогда ему так не пригодится, как в старости.

Виктор Гюго

...Глянь, как осень растянула свою желтизну по земле.

Медленно ходи по дорожкам парка, перебирая до мелочей свою извилистую жизнь, и никуда не спеши – твоя гонка подошла к концу. Но еще есть время написать книжку, поиграть с внуком, а главное – осознать, кого любил, что же хорошего ты сделал на нашей прекрасной, обеззаченной людьми земле...

Неужели не стоило нам родиться на свет, где судьба нам устроила этот смутный рассвет, где в синеющем инее эта сетка ветвей – словно тонкие линии на ладони твоей, где дорожка прибрежная, описав полукруг, словно линия нежная жизни – кончилась вдруг. И полоска попутная – слабый след на реке – словно линия смутная счастья – там, вдалеке...

Игорь Чиннов † 1996

Мелкие случайные победы полноты и счастья не дают

Сначала пропал бумажник. Вернее, я попользовался новенькой иномаркой не совсем по назначению, а уже на следующий день, дома, он и пропал. А у меня даже сердце не ёкнуло: найдется! А ведь в нём, не считая денег, паспорт, документы на машину, удостоверение и ещё кое-что с государственными печатями. Вернулись мы из «Максидома» – представляете себе этот сверхмагазин, по которому на электротележках товар развозят. Жена, только услышав, рванулась на улицу – чтобы в супермаркете нам любезно вернули потерю – они там все глаза проглядели, нас ожидаючи. Я пошел за ней и рядом с дверцей машины сразу увидел на видном месте свой выдавший виды бумажник. Он был раскрыт, как летящая птица, показывая свое солидное нутро. День-то был выходной, а по нашему проходному двору для краткости пути тьма тьмущая народу ходит. Наверное, за минутку всего мы лишили честного человека сделать доброе дело – вернуть чужое. У нас так поступает каждый.

Знак был настолько явный, что я пронзительно понял все. Что понял, спрашиваете? Нет, братцы, почти всё вам говорю, а это уж пусть при мне останется – история-то не кончилась.

Говорю тебе на всякий случай, даже сам не знаю

почему: только одному любовь и учит, что она не учит ничему. Даже на последнее свиданье, даже на последнем берегу, наперед все зная о страдании, радостным мальчишкою бегу. Тянутся весенние побеги, по лицу дожди хмельные бьют. Мелкие случайные победы полноты и счастья не дают. Ясным полднем или ночью хмурой ничего не просчитать уму. «Надо рисковать судьбой и шкурой!» – Лось трубит. И ты поверь ему. По ночам не спится – можно спиться. Падает гемоглобин в крови. Жмет давленье. Ноет поясница. Хочется свободы и любви.

Владимир Костров

«Господи, – ну дай немного развеяться, да и ничего плохого как будто не было. За бумажник кланяюсь низко, но я ведь тоже человек, а не кукла бездушная. Опять, вся-то жизнь в трудах праведных». И в другой раз прокатился на машине – да в ту ли сторону?

Прихожу сегодня в гараж – надо в автосервис и по другим делам – разрядился аккумулятор новехонькой машины. Вызвал техпомощь – мастер заводит – и за ворота, сажусь за руль – напряжение на нуль прыгает. Тут в меня входит начало, что шутки кончились. Приехал-таки в автосервис (трудно молитва шла: «Господи помилуй») – день промаялся, вернулся домой – опять поменянная деталь не желает свою функцию автомобильную выполнять. Надо снова ехать – тоже не ближний свет, да в воскресенье, когда молиться можно, а работать ни-ни! Исчезли с руки четки, отказался

звонить новенький мобильник, – всё не слава Богу!

И все у меня в эти дни терялось, ломалось, не получалось, девалось, неприятности сыпались, словно из рога изобилия. «Господи!» – вспомнил я, – да как же мне до того жилось хорошо!» До того хорошо, что стал я думать – своим умом недюжинным до всего дошел, вон чего только не добился настойчивостью своей, энергией, усидчивостью.

И вдруг все труды насмарку пошли: Ты скоренько меня на место поставил. И ведь не сразу наказывал, а понемногу вразумлял, и остановил, когда волос до греха остался. Слава Богу, теперь я не принимаю

Твои вразумления за жизненные случайности. Уразумел, уразумел, Господи!

Покарай меня, Господи Правый!
Не пускай меня, грешного, в рай.
Пригрози самой лютой расправой,
но соломинки не отбирай!
Не затем она мне, чтоб в надежде
жить на некую райскую весть,
а затем, чтоб хватаясь, как прежде,
за нее, я бы знал, что Ты – есть.

Сергей Гончаренко

Вы, конечно, спросите: из-за чего сыр-бор-то? А я отвечу: седина в бороду – бес в ребро. Это мне батюшка Иоанн сразу сказал. Вот ребра поделом и болят. Да хуже могло быть, ох,

хуже, как я, дурак, сразу-то не уразумел? Глупый я, глупый, а с виду умным кажусь, так батюшка говорит...

Приобретающий жену полагает начало стяжанию, приобретает соответственного ему помощника, опору спокойствия его. Где нет ограды, там расхитится имение; а у кого нет жены, тот будет вздыхать скитаясь (Сир. 36, 26, 27).

Признание

Зацелована, околдована,
С ветром в поле когда-то обвенчана,
Вся ты словно в оковы закована,
Драгоценная моя женщина!

Не веселая, не печальная,
Словно с темного неба сошедшая,
Ты и песнь моя обручальная,
И звезда моя сумасшедшая.

Я склонюсь над твоими коленями,
Обниму их с неистовой силою,
И слезами, и стихотвореньями
Обожгу тебя, горькую, милую.

Отвори мне лицо полуночное,
Дай войти в эти очи тяжелые,
В эти черные очи восточные,
В эти руки твои полуголые.

Что прибавится – не убавится,
Что не сбудется – позабудется...
Отчего же ты плачешь, красавица?
Или мне это только чудится?

Николай Заболоцкий † 1958

Чужое горе – оно как овод...

Чужое горе – оно как овод:
Ты отмахнешься, и сядет снова,
Захочешь выйти, а выйти поздно,
Оно – горячий и мокрый воздух,
И, как ни дышишь, всё так же душно,
Оно не слышит, оно – кликуша,
Оно приходит и ночью ноет,
А что с ним делать – оно чужое.

Илья Эренбург † 1967

Мартюня умерла 1 июля в машине по дороге к врачу – не выдержало слабенькое сердечко. Так и застыла с открытым ротиком и красным язычком – воздуха! Мы вернулись на дачу, чтобы похоронить нашу кошечку. Утверждают, что у котов напрочь отсутствуют родственные связи; возможно, поэтому она гоняла взрослого сына Малыша при любой возможности. Но благодушный Малыш стойко терпел и унижения, и частенько носил острые, как иголочки, мартюнины коготки прямо на нежном носу. Почти 17 лет они прожили бок о бок, и особой дружбы мы не заметили.

Но вот ушла Маргюня в свой кошачий рай – и Малыш

сразу поскучнел. Он тоже болел, но еще грациозно взлетал на метровую высоту стола, пил воду из крана, но даже дачная свобода уже не радовала его. После того, как врач вырвал у него сразу три зуба, кот стал прятаться при любом незнакомце. У него нашли опухоль, но жена решила: пусть живет, сколько Бог даст. Малыш стал капризным и часто кричал-мяукал громким тревожным голосом. Он теперь много спал один, выбрав место на краю постели жены; он очень похудел. Мы все же показали его врачам, и диагноз оказался страшным: неоперабельный рак кишечника и водянка. «Проживет не больше месяца», – прогнозировали они. Но, видно, намяли они кота; что-то сдвинулось в организме после обследования, и Малыш начал умирать. Полночи жена носила его на руках, пытаясь утишить боль. Малыш не плакал, не кричал, но все искал, как поудобнее лечь, чтобы прикорнуть. Но боль была сильнее сна. Он перестал есть и не обращал внимания даже на любимые кошачьи конфеты. Его ярко-красные подушечки лап побагровели, он судорожно мотал головой в попытке избавиться от мучений. Мы поняли – это конец. Жена ушла на работу, а я нервным голосом пригласил ветеринарную помощь помочь коту умереть. Врач скоро приехал, но у Малыш даже не посмотрел на него. Мы положили кота на белоснежную простынку, и врач сделал обезболивающий укол. Собрав все силы, Малыш рванул со стола, но сильные руки удержали его.

Смерть кота
Да, я уверен, он все знал,
мой мудрый кот.
Он долго жил, он просчитал
свой переход
в иные, лучшие миры,
в другие правила игры.
Давно не ел, уже не пил,
лежал и ждал;
он лапки рядышком сложил,
он ЗНАЛ.

Сергей Островой

«Он все понимает», – объяснил врач, а я безотрывно глядел на дрожащие от судороги белые «чулочки» Малыша и гладил-гладил его по чистой шерстке. Минут десять еще билось его сильное сердце, и врач, констатировав смерть, отбыл прочь.

Ты не пришел – ты послан был кем-то, о ком ничего не известно. Вкатился пушистым комочком и – здравствуйте, вот он, я! Не мы растили тебя, ты – нас. Ты сделал нас добродушнее, великодушнее. Ты не любил сантиментов и лести, знал себе цену, но встречал нас нетерпеливым возгласом и к плечу прижимался пушистой щекой. Ты с достоинством жил и умер с достоинством – мужественно и кротко. Кресло поныне в твоих ворсинках, теплая впадинка на диване уже

никогда не разгладится...

Игорь Чиннов † 1996

Я завернул тельце кота, уложил его в коробку из-под обуви, а сверху накрыл красивой тканью. Слёзы душили, и впервые за 6 лет после маминой смерти я заревел, как мальчишка. Потом зажег лампадки и попросил: «Господи, я знаю – молиться за животных, как за людей, нельзя. Но сделай, пожалуйста, так, чтобы Малышу было хорошо: он ведь тоже тварь Божия. И радости он принес в наш дом много».

Я так и не сумел закрыть огромные оливковые глаза Малыша. Может быть, это к лучшему...

«Котика жалко, всякую животинку...

Но Господь ведь тоже всех любит.

И котику найдется местечко».

Монахиня Иоанна (Смирнова)

Св. – Введенский монастырь г. Иваново

Белеет простынка, от ампул стекляшки —

Еще не прибрали палаческий стол.

И стойко, и молча, безстрашно и тяжело

Ты принял под холку смертельный укол.

Лишь раз ты рванулся, но мышцы тугие

Обмякли, и доктор закончил: «Уже не жилец».

И стихли страданья – картины иные

Открылись глазам Малыша наконец.

Как здорово здесь! Это лучше, чем дача —
Мартюня играет с котятами тут.
Я молод и ловок, я знаю — удача
И опыт охотника не подведут.

Жаль, нет человекoв — ушли на «работу» —
Не сделать из них настоящих котoв.
Они доставляли нам много заботы,
Но я их любить безконечно готов.

Вот, вылизав шкурку, Малыш оглянулся —
«Хозяева» резво по полю бегут.
«Опять заласкают, — Малыш потянулся
И спрятался в куст. — Покричат и найдут.

И будем мы вместе жить дружно и дальше
Под солнцем нежарким с прохладной землей.
Научим двуногих повадкам кошачьим —
И станем одной нераздельной семьей».

Александр Раков, 19.01-2.02.07

Но существует еще огромное племя людей, страдающих от ухода своих любимцев-собак. Чтобы больше не возвращаться к этой теме, помянем их горе, по традиции, тоже стихотворениями:

Что вам моя собака?.. Моя собака...
Кому интересны рассказы мои про неё?
Разве что сыну... впрочем, и он не плакал,
узнав об её уходе в небытие.

Это ж моя собака, ничья другая!
Больше уже не будет такой моей.
Собака моя! Как я тебя ругаю:
зову – не приходишь столько погожих дней.

Сама упрекала, когда уходил надолго, —
умница! – было времени мало нам
отпущено...

Но ведь были и пруд, и Волга,
где мы по-собачьи шпарили по волнам.

А снежная горка! Вместе с неё скатиться
было как счастье...
И потому сейчас
кружу этим снегом, который умел забиться
за шиворот, в шерсть, в ботинки, и в бровь, и в глаз.

Но что вам моя собака...
Моя собака —
десятилетье радости среди всего...
И что моя жизнь, в ярких лучах Его
не распознавшая знака...

Олег Хлебников

Смерть собаки
Какая огромная давит на сердце вина.
Квартира пуста
И чиста нежилой чистотой.
Очнуться б скорее от этого жуткого сна,
Лохматую морду опять ощутить под рукой.
Над миской со свежей водою замру, не дыша,
Убрать не смогу.
Не смогу ее спрятать нигде.
А вдруг сорок дней горевая собачья душа
Здесь будет витать
И губами тянуться к воде?..

Лариса Никольская

Лежала, перееханная скатом, дышала телом, вдавленным и смятым, и видела сквозь пленку стылых слез, как мимо, смертоносно громыхая, огромное, глазастое несло. И напряглась, мучительно-живая, о милости последней не прося, но, в ноздри ей ударив сгустком дыма, торжественно, замедленно и мимо прошла колонна вся. Машины уносили гул и свет, выравнивая скорость в отдаленье, а мертвые глаза собачьи вслед глядели в человечесьем напряженье, как будто все, что здесь произошло, вбирали, горестно осмыслить силясь, – и непонятым были им ни зло, ни поздняя торжественная милость.

Алексей Прасолов

...Вернувшись с работы, я привычно кричу в глубину
квартиры: «Малыша-шалопута-хулигана, почему не встре-
чаешь хозяина?» В ответ – оглушающая тишина...

Не молчи, мой кот-мурлыка,
В неподвижном полусне:
Без тебя темно и дико
В нашей стороне;

Без тебя все та же печка,
Те же окна, как вчера,
Те же двери, та же свечка,
И опять хандра...

Афанасий Фет † 1892

Что таракану жизнь?

Брезгливым людям советую эту «былинку» пропустить. Блуждая по безпредельному пространству интернета, я наткнулся на статью о тараканах. Сразу должен сказать, что я, в полной мере симпатизирующий паучкам, мухам, муравьям, земляным червям, сороконожкам и прочей мелкой летающей и ползающей живности (исключая, конечно, клопов), при встрече с хрустом давлую усатое насекомое без малейшего чувства жалости. Но природная любознательность заставила прочитать материал, частью из которого делюсь с читателями.

Прусак

Тараканы сделаны из жести
мастером готических времен —
для поползновений и нашествий
каждый их сустав поворонен.

Хлеб они едят без приглашенья,
попирают наши животы,
шевелият усами в довершенья
вековой своей неправоты.

Глеб Семёнов, Ленинград, † 1982

Тараканы – прусак черный (отряд Dictyoptera), в северных

широтах встречаются исключительно в отапливаемых помещениях, неприятно пахнут, ведут ночной образ жизни и могут переносить болезни. Наша неприязнь к ним вызвана еще чувством самосохранения: давно известно, что эти насекомые вызывают аллергию и астму. Теперь японские ученые доказали, что они вызывают рак, особенно рак желудка: в тараканьем помете присутствует бактерия, повышающая риск этого заболевания. Их тельце покрыто хитозаном, из которого сделаны защитные доспехи крабов, раков, пчел и мух. Это прекрасный сорбент, нетоксичен, антисептик, обладает ранозаживляющим действием. Тараканы – самые проворные насекомые: за одну секунду они способны 25 раз менять направление движения. (Помните, у Михаила Булгакова в конце пьесы «Бег» Хлудов говорит: «Я не таракан, в ведре плавать не стану». А вокруг него кипит жизнь под вывесками: «Sensation a Constantinople! Races of cockroachts». «Жизнь под крик: «Сенсация в Константинополе! Тараканьи бега! Тараканы бегут по открытой доске с бумажными наездниками! Тараканы живут в опечатанном ящике под наблюдением профессора энтомологии Казанского императорского университета, еле спасшегося от рук большевиков!»?)

Палеонтологи определили возраст таракана по окаменевшей находке в 300 млн. лет. Впрочем, пусть это остается на совести самих ученых. Глаз таракана лучше всего реагирует на зеленый цвет. Это насекомое – единственное в мире, в организме которого синтезируется каротин – вещество, необ-

ходимое для зрения.

Однако есть и любители тараканов. Одинокий вдовец-пекинец держал у себя дома 200 тысяч тараканов в качестве домашних животных; на один метр приходилось около 10 тысяч насекомых. Одинокий пенсионер сообщил полиции, что начал разводить тараканов после смерти жены – чтобы хоть как-то скрасить одиночество. Санитарной службе понадобилось два часа, чтобы уничтожить его любимцев.

Но в тараканьей жизни есть момент, вызывающий у меня сочувствие: у старых тараканов, проживших около 60 недель, так болят коленки-сочленения, что им трудно взбираться вверх и они часто падают при ходьбе. Люди, страдающие артритом-артрозом, поймут мучения стариков-тараканов лучше других.

Наконец, как с ними бороться? Специалисты-дезинсекторы утверждают, что главный метод борьбы с тараканами – отрезать им путь к воде: починить краны, на ночь насухо вытирать раковину, слив в ванну закрывать пробкой, цветы поливать только утром и тщательно закрывать мусорное ведро. При соблюдении этих советов вероятность того, что тараканы будут размножаться у вас дома, практически равна нулю.

Мерзкие, противные, наглые, вызывающие отвращение... А мне почему-то очень жаль тараканьего старика, вынужденного терпеть невыносимую боль в суставах: лекарства ему не пропишешь. Тараканья старость – тоже не радость...

У мексиканцев есть даже популярная песня, посвященная

таракану – «Кукорача». А в Интернете появилась компьютерная игра «Тараканьи бега».

Загадка: «Черен, да не ворон, рогат, да не бык, шесть ног без копыт».

«Кроме птиц, в каменной пещере под лестницей жили черные и рыжие прусаки-тараканы, а также мыши; мыши тихо питаюсь семенем, просыпанным птицами на пол, никому не мешали, прусаки тоже вели себя смиренно, а черные, заползая в клетки снегирей, будили их и почти каждый вечер испуганные птицы неистово бились, передавая страх свой из клетки в клетку.

– Бей тараканов! – приказал отец, вооружив сына подошвой резиновой галоши. Платон охотно стал приклепывать усатых сожителей к штукатурке стен, но это недолго забавляло его, он скоро понял, что источником неудобств и обид его жизни являются насекомые, птицы и отец».

Максим Горький. О тараканах

Когда редакция находилась в трущобах у Нарвских ворот, то добиралась до улицы Калинина, 6, через парк Екатерингоф, вдоль которого и поныне течет себе речка Таракановка. Так она и на карте города обозначена.

Речка Таракановка

Слова «таракан» в Библии нет. У Достоевского: «Таракан попал в стакан». А поэт Николай Олейников посвятил насекомому большое стихотворение. Приведу только его начало:

Таракан сидит в стакане,
Ножку рыжую сосет.
Он попался. Он в капкане.
И теперь он казни ждет.

Он печальными глазами
На диван бросает взгляд,
Где с ножами, топорами

Вивисекторы сидят...

Американские военные оказались не столь брезгливы: на выделенный миллион долларов они занялись исследованием, как использовать тараканов в качестве живых индикаторов для обнаружения в домах и в метро ядовитых веществ. Ученые утверждают, что тараканы способны найти любые вещества, например споры сибирской язвы или частицы ДНК. Насекомых хотят приспособить и к поиску взрывчатки, и в борьбе с биотерроризмом. А европейские учёные создали тараканов-роботов, с помощью которых можно управлять действиями настоящих тараканов. Они покрыты специальным ферментом, который позволяет создать сходство с настоящими насекомыми.

Ода таракану

Что таракану жизнь? На что она ему?

Но, видимо, он жизни очень нужен,

Когда неистребим в моем доме

И с мором он живет ничуть не хуже.

Что человек с историей своей —

Она ему в подметки не годится,

Когда он даже мамонтов древней

И нет ему во времени границы.

И нет ему ни праха, ни поры,

И, может, проживая в нашем мире,

Чего уж говорить тут о квартире —
В иные проникает он миры.

Виктор Володин, Самара

В дополнение к «Оде таракану» приведу древний стих из китайского сборника 10 в до и. э. «Ши-цзин», которую прислал мне Ален Зарини. Напомню, что Моисей рассматривал саранчу как животное чистое, как насекомое, имеющее голени выше ног. Оно могло быть употребляемо в пищу, как это делал святой Иоанн Креститель:

Гимн саранче

Ты, саранча, распростёршая крылья,
Стаей несметной летаешь всюду.
Пусть же всегда у тебя в изобилье
Дети и внуки рождаться будут.

О саранчи крылатые стаи,
Мерно в полёте крылами звените.
Пусть ваши внуки, вечно летая,
Род ваш продлят непрерывной нитью.

Ты, саранча крылатая, всюду
Вместе летаешь сплошную тучей.
Дети и внуки твои да будут
Вечно роиться роем могучим.

Вообще раньше люди были ближе к природе и лучше от-

носились к братьям нашим меньшим...

Срочная новость – тараканы в космосе! 14 сентября 2007 года российская ракета-носитель «Союз-У» вывела на орбиту космический аппарат «Фотон-М». На борту, который наблюдатели окрестили «Ноевым ковчегом», наряду с рыбками, бабочками, улитками, гекконами и тритонами, мышами совершает первый полет множество старых и молодых тараканов. Через 12 суток научных экспериментов они живыми вернулись на Землю. Тараканы-космонавты! Здорово! Это вам не тараканы бега в Стамбуле! Вот только одно тревожит меня: зная, насколько пронырливы и приспособляемы усатые существа к любым условиям жизни (способны обходиться без еды и питья больше месяца), не случилось бы впредь побега из уготованной им коробки. Вы можете себе представить плавающего в невесомости таракана? А как их тогда в космосе травить будут? Ведь всех погубят... а сами насекомые выживут. И заселят все орбитальные станции. И будут потреблять в пищу пустоту. И тогда освоению космического пространства землянами наступит конец. Зря всё же это затеяли! Нам тут и на Земле-то с ними не справиться...

Через две недели 54 усатых космонавта благополучно вернулись на Землю.

«...И больше – никакова!»

Графомания – болезненное пристрастие к сочинительству.

Словарь русского языка под ред. С.И. Ожегова

Женщина принесла в редакцию толстенную тетрадь с двумястами стихотворениями, которые она написала всего за неделю: «Сам Господь диктовал». Другой поэтессе я посоветовал никогда не заниматься стихотворчеством, она обиделась, но через год позвонила и призналась, что я был прав. Это моя единственная победа.

Баллада о графомане

Чего-то хотел, кроме блага и хлопотных дел допоздна. Его волновала бумага, когда пустовала она. И он за бумагу садился и рифмы к словам подбирал. Хромал, приседал и валился измученный им мадригал. Стихи распадались. При этом родные, друзей большинство его признавали поэтом – за это дразнили его. Страдавший за литературу, за груды рифмованных книг, за всю мировую культуру, которую знал лучше них, – он попросту слышал такое, чего не умел рассказать. И счастье его трудовое, придя, ускользало опять. А то, что талантом случайно судьба обделила его, – так это несчастье. И тайна. А более –

ничего.

Олег Хлебников

Часто, слишком часто приходят в маленькую редакцию стихи-поделки. А как объяснить людям, что это не стихи вовсе, – рифмовка безграмотная, – ума не приложу: читать классиков бессмысленно, в Литинститут поступить далеко не каждому дано; вот если в школе повезло на учительницу словесности, как раньше называли учителя литературы...

Графомана-безумца письмо
Ррасно-чёрно-зелёного цвета.
Это подлинной страсти клеймо,
О, как страшно оно разогрето!

И в разрядку, и множество слов
Им подчёркнуто жирной чертою.
Вот кто к смерти за рифму готов,
За эпитет – к войне и разбою.

Вот кто предан поэзии, вот
Пыл где грозный. И с первого взгляда
Видно: выследит он и убьёт,
Если сам себе скажет: так надо.

Александр Кушнер, СПб.

* * *

Пушкину

Я лежу поэтом на диване,
Ты висишь портретом на стене...

(Здесь и далее – орфография и пунктуация авторов. –
Ред.)

* * *

«...Я надеюсь, что вы коснетесь всеми вашими чувствами
моих стихов и дадите исчерпывающий ответ в их непригод-
ности. Прошу указать мои положительные и отрицательные
дефекты...»

* * *

Оборвались струны жизни
И заснул он вечным сном.
Его члены неподвижны
Нету живости при нем.

* * *

«Дорогая редакция! Вы пишете в моих стихах не хватает гипербола метафор и эпитетов а где мне их взять здесь в деревне?..»

* * *

В саду я тебя встретил летом.
Это не сказка и не сон.
И стал я начинающим поэтом
В любвиобильный тот сезон.

* * *

«Я начинающий поэт и мне писать дается еще со школьной скамьи. Но я живу очень плохо денежных средств нет света в квартире нет и не кто не беспокоится онем. Прошу вас чтобы дали мне денежные средства был в квартире свет – а также загородили двор частоколом, а мне дали руководящую работу».

* * *

Гангрена с жадностью ужасной
На пальцы ног его пришла.

* * *

Мой взор съедал тебя в анфас
Не в силах вымолвить ни слова...

* * *

И сердце хлопает по левому плечу
Не в силах удержаться от волнения.

* * *

«Мои стихи сплошная образность. Приведем пример:

Да и ты не скучай —
Забывай!
Проходя пожелтевшей долиной,
Синий-синий сиреневый май
Ты забудешь под крик журавлиный!

Что в этом куплете? В этом куплете лирическое «ты»..., т. е. о н а... скучающая; пожелтевшая долина, синий-синий сиреневый май и журавлиный плач, – в четырех строчках четыре поэтических образа! – и что это разве не новое? Да это больше того, чем новое, – это мировой рекорд!»

Один графоман в солидный журнал
прислал корявый стишок.
Совсем таланта не было в нем,
и стиль был весьма смешон.
Но чтобы вывод под стиль подвести,
в нем были такие слова:
«Жизнь такова, какова она есть,
и больше – никакова!»
Младший редактор сказал: «Пустьяки!
Ступай-ка в корзину, брат!»
Но чем-то тронули сердце стихи,
и он их вернул назад.
– Вчера я пришел веселенький весь,
и жена была неправа.
Но «жизнь такова, какова она есть,
и больше – никакова!»

Редактор отдела, увидев стих,
наморщил высокий лоб:
– Стихи банальные. Автор псих.
А младший редактор жлоб.
Но строчки вошли, как благая весть,
до самого естества.
«Жизнь такова, какова она есть,
и больше никакова!»
И, свой кабинет озирая весь,
подумал любимец богов:
«А может, и я таков, как есть,
и больше совсем никаких».
И страшная мысль, как роса с травы,
скатилась с его головы:
А может, и все таковы,
каковы, и больше – никаких?»

Владимир Костров

Самая опасная ловушка, которую только дьявол может поставить человеку, это – внушить ему мысль, что он в состоянии написать книгу, которая принесет ему столько же славы, сколько и денег, и столько же денег, сколько и славы.

Мигель де Сааведра Сервантес † 1616

Никогда, никогда ни о чем не жалеите

Влюбиться – как в сумрачной чаше
Блуждать сквозь густой бурелом,
Как встать на колени у чаши
С пылающим сладко огнем,
Как с Божьей Вселенною слиться,
Как солнце в ладонях держать, —
Мне так бы хотелось влюбиться,
Чтоб смысл бытия разгадать.

Валентина Ефимовская, СПб.

Ну до чего же хочется влюбиться! – это приближающаяся старость сопротивляется, требует обновления чувств, как прежде.

А я когда-то думал, что седые не любят, не тоскуют, не грустят. Я думал, что седые, как святые, на женщин и на девушек глядят. Что кровь седых, гудевшая разбойно, как речка, напоившая луга, уже течет и плавно, и спокойно, не подмывая в страсти берега. Нет, у седой реки все то же буйство, все та же быстрина и глубина... О, как меня подводит седина, не избавляя от земного чувства!

Александр Яшин

Да чего греха таить – делал я такие попытки, но ничего путного не получалось, только совесть саднило, и жене всё-всё рассказывал. Собственно, и каяться-то перед ней не в чем: в кафе сходили со знакомой, до Выборга на машине прокатились, вкусным пирожным ее угостил, договаривались и дальше встречаться, да все как-то разваливались наши встречи. Да я не чувственного хотел – это немислимо, мой Ангел-хранитель всегда на страже – я переиспытать хочу то, что в юности испытывал: тягучие часы ожидания встречи, сама встреча-праздник словно миг один, и мучительные воспоминания потом каждого сказанного ей слова. А если руки невзначай коснешься – это уже событие для тебя вселенское, долго не избыть.

Впаду в любовь. Не отрекусь
От чувств, толкнувших к краю бездны,
От слов, струящихся из уст,
От встречи с чудом бесполезным.

Мир восприму совсем иным.
В каком-то новом измеренье,
Вдыхая горько-сладкий дым
Противоборства и смиренья.

Григорий Осипов

Но все напрасно. Теперь руку поцелуешь на прощание – больше для вежливости, игры ради, которую вместе затеяли,

и все правила наизусть – чтобы на исповеди не каяться. Потом сидишь в одиночестве, выжимаешь из души то, что так хотел ощутить – пусто! Но почему так? – сержусь я, но ни настоящей влюбленности, ни тем более любви на сердце и близко нет. Вот как ты мстишь людям, старость, – ты отнимаешь у них яркость и силу впечатлений, сглаживаешь чувства, лишь грусть по прошедшему у тебя невообразимо красива: плохое забылось, а хорошее превратилось в прекрасное.

Под старость мы приходим к простоте. О, нет, не возвращаемся – приходим. В простых вещах вдруг красоту находим, им отказав когда-то в красоте. О, эта связь безхитросных вещей – поникший колос, сельская дорога, улыбка друга – как тревожно много, сходя с земли, вдруг видим мы на ней!

Алексей Смольников

Не смотрите на седых мужчин, девушки! Вас поражает незнакомый взгляд, полный непонятного, притягивающего и отталкивающего одновременно? Это мудрость наступающей старости с затухающей завистью глядит вам вдогонку. Бегите от нее дальше по своим безконечным девичьим делам, встречайтесь с ровесниками и никогда, никогда не думайте, чем же озадачил вас взгляд случайного прохожего. Мужай, молодость! Не оглядывайся назад, старость! Вам все равно никогда не встретиться вместе, вам никогда не догнать друг друга. Мудрость старости – в пожинании плодов жизни, без-

рассудство юности – в яром стремлении вперед. Достало бы сил перейти поле до другой стороны; да не время об этом...

Жизнь проходит – разве в этом дело? Разве, в неоглядности своей, молодость когда-нибудь хотела, чтобы детство возвратили ей? Так и нам печалиться не надо: только бы – разумна и добра – длилась, как последняя награда, деятельной старости пора.

Александр Гитович † 1966

Тихо бредет старость, опираясь на палочку прожитого, скоро обегает ее быстрые ножки молодости. Только не оглядывайтесь назад...

Ни о чем не жалейте
Никогда ни о чем не жалейте вдогонку,
Если то, что случилось, нельзя изменить.
Как записку из прошлого, грусть свою скомкав,
С этим прошлым порвите непрочную нить.

Никогда не жалейте о том, что случилось,
Иль о том, что случиться не может уже.
Лишь бы озеро вашей души не мутилось
Да надежды, как птицы, парили в душе.

Не жалейте своей доброты и участия,
Если даже за все вам – усмешка в ответ.
Кто-то в гении выбился, кто-то в начальство...
Не жалейте, что вам не досталось их бед.

Никогда, никогда ни о чем не жалеите.
Поздно начали вы или рано ушли.
Кто-то пусть гениально играет на флейте,
Но ведь песни берет он из вашей души.

Никогда, никогда ни о чем не жалеите.
Ни потерянных дней, ни сгоревшей любви.
Пусть другой гениально играет на флейте,
Но еще гениальнее слушали вы.

Андрей Дементьев

«И стал я ни хороший, ни плохой»

Но эта былинка повисла бы в воздухе, не будь у нее продолжения. Я привычно показал ее жене, не ожидая подвоха. Но реакция жены оказалась непредсказуемой для «инженера человеческих душ» – она обиделась. Обиделась за мою невинную встречу. Я тоже был огорчен, ибо искренне считал это дружбой между мужчиной и женщиной. Супруга увидела все в другом свете, следуя непостижимой для мужчин логике. Мое же удивление было вызвано тем, что я (почти) ничего от жены не скрывал. Но, видно, женская интуиция говорила ей об опасности; да и сам я, положив руку на сердце, чувствовал тоненькую паутинку лжи.

Ей-Богу, такое бывает. Случается. Наверное, с каждым бывало хоть раз... Не то чтоб влюбиться. Не то чтоб отчаяться. А что-то возьмет и сломается в нас. А что там и как там – ну кто его ведает. Я этой задачи никак не решу. Возможно, об этом писать и не следует. А может, и следует. Я вот пишу. Сидеть бы в траве, над безлюдною заводью, без всякого смысла смотреть в озерцо. И медленно этак поплевывать на воду, да так, чтобы прямо в свое же лицо.

Николай Старшинов

Мы с женой

Но знала же моя венчанная супруга, что со слабым полом я легче нахожу общий язык – они и прощать умеют, и за грань дозволенного перейти не дадут. Слышала же она мои длиннющие телефонные разговоры с несколькими знакомыми женского рода. Я ведь и вправду нуждался в общении, чтобы вырваться за рамки газеты, ну, перышки распушить немножко, дать или получить совет... Когда я духовнику все рассказал начистоту, он словно в шутку, ласково ударил четками по спине. А сам промолчал. А его молчание дорогого стоит – оно думать заставляет, а уж потом делать...

Редактура

Я женщине сказал, что я – плохой.
Со мной, сказал, утратишь ты покой,
я бью детей, не отдаю долги,
могу сбежать, могу ударить лошадь...
Но женщина ответила: «Не лги!
Ты лучше всех! Я верю: ты хороший!»

«Да-да! – воскликнул я. – Все так и есть!
Всего дороже истина и честь,
в борьбе за честность посвятил я жизнь
и не сверну с намеченной дороги!..»
Но женщина ответила: «Заткнись!
Устала я считать твои пороки...»

И стал я ни хороший, ни плохой,
ни белый и ни черный – никакой.
И женщина довольна, но ворчит,
спокойно жить ей что-то все ж мешает:
о чем он дни и ночи все молчит
и что он, притаившись, замышляет?!

Сергей Давыдов

*Берегите дух ваш, и никто не поступай вероломно
против жены юности своей (Мал. 2, 15).*

Торжественные обязательства моей жене
(шутка)

Я ОБЯЗУЮСЬ, если стану старым,
Что, как я понял, не исключено:
Не петь в подъездах песен под гитару,
Не пить в подъездах со шпаной вино.

Не повторять одним и тем же людям
Одну и ту же байку двадцать раз.
На девичьи, красивой формы груди
Не скашивать, в прожилках красных, глаз.

Не приставать с советами к подросткам.
И к женщинам не приставать в метро.
Не врать, что я входил в Политбюро,
Что был красавцем двухметроворостым.

Не утверждать, что нынче скверны нравы,
Что люди и писатели – мелки
И что во всем всегда бывают правы,
Конечно, в жизни только старики.

Ни с перепоя, ни со сна, ни сдуру,
Прикинувшись, что честен я и прост,
Не выставлять свою кандидатуру
На всероссийский президентский пост.

И главное – я честно обязуюсь,
И в том присягу принести готов,

Жене не изменять. И, образумясь,
Не сочинять таких стихов!

Валерий Михайлов

«С добрым утром!», «Добрый вечер!»

Все нравится мне в моей уютной квартире – и дом-то «сталинский» о четырех этажах, и лестница в подъезде широкая, и площадка перед дверью огромная, и двор, как в детстве на Хорошевке, зеленый и просторный, и тишина за окном. Да, за окном тишина, а внизу под нами сосед живет и по ночам что-то из дерева конструирует. Да не ночь-другую, а три года с лишком уже трудится. Сплю-то я плохо, да вы знаете, с таблетками, но от ночного шума, когда каждый звук, словно барабан звучит, даже иностранные беруши не спасают.

О борьбе с шумом

Надо привыкнуть к музыке за стеной,

к музыке под ногами, к музыке над головой.

Это хочешь не хочешь, но пребудет со мной,

с нами, с вами.

Запах двадцатого века – звук.

Каждый миг старается если не вскрикнуть – скрипнуть.

Остается одно из двух – привыкнуть или погибнуть.

И привыкаем, кто может, и погибаем, кто

не может, не хочет, не терпит, не выносит,

кто каждый звук надкусит, поматросит и бросит.

Он и погибнет зато.

Привыкли же, притерпелись к скрипу земной оси!
Звездное передвижение нас по ночам не будит!
А тишины не проси.
Ее не будет.

Борис Слуцкий † 1986

Стал я рукастому соседу по ночам звонить, но разговора не получалось – что успеем выкрикнуть друг другу за мгновение, то наше. А надо сказать, что на прежней квартире тоже доставал меня сосед-милиционер: он по ночам ловил наркоманов и в ожидании смены тихо так играл – поверите ли? – через синтезатор на барабанах. А стенки в «корабле» звуку не препятствовали – лишь бы потолок удержать. И стал я с молодым правоохранителем воевать: жалобы писать в разные инстанции, милицию вызывать по ночам. А что ему родная милиция? Он им или удостоверение свое показывает, или прекращает на инструменте играть, услышав шум подъехавшей машины. Оставалось мне лишь краснеть перед прибывшими милиционерами и просить прощения за беспокойство. А молодой «санитар общества» в отместку регулярно прокалывал шины на моем «жигуленке», стоявшем у подъезда. Я, помню, все удивлялся – откуда на питерских дорогах столько гвоздей? Батюшке жалился, а он в ответ: «Ты вот шума не терпишь, бороться пытаешься, вот бес тебя и достает». Но, слава Богу, смогли мы оттуда убраться подобру-поздорову. На новом месте день-другой я настороженно вслушивался, нет ли со двора шума, не балуется ли кто в доме музыкой

нестерпимой. Все тихо, и я было успокоился. Но тут заработала у нового моего соседа столярная мастерская, а у интеллигентных соседей сверху до упора гремит телевизор.

Уснуть? Но верхние соседи
включили ящик за стеной.
Они телеэкраном бредят,
фильм не пропустят никакой.

Вот и сейчас... Тургенев?.. Чехов?
Сквозь стенку я не разберу.
Там кто-то должен был, уехав,
быть в Костроме уже к утру.

Он говорит: «Я вам откроюсь,
я не заставлю вас страдать...»
Он говорит: «Бунтует совесть...
Что я могу народу дать...»

Подушку на ухо – и будет!
Но, кажется, напрасный труд.
Там, за стеной друг друга любят,
но не об этом речь ведут.

Он говорит: «Не жду успеха...
Простите... Для своей страны...»
Он говорит: «Я должен ехать...»
Она поправит: «Мы должны...»

Взмывает музыка прощально,
но долго в тишине слышны
те отголоски жизни дальней:
«Странанье... Совесть... Мы должны...»

Наталья Перевезенцева

Но через год наверху родился ребёнок, и звуки телевизора стихли, а младенцу-несмышлёнышу рот не закроешь...

Да, батюшка после переезда, когда квартиру освящал на-шу, предупредил меня, счастливого: «Саша, бес с тобой может переехать, чтобы досаждать. Пока будешь на шум раздражаться, избавиться от него ты не сможешь». Но я в счастья тогдашнем слова-то запомнил, но внимания на них не обратил.

И началось! Три года боролся, пока не понял – смирись! Написал я тогда, в Прощеное воскресенье, соседу письмо; не грозил, не пугал ничем, рассказал ему, кто мы с женой есть и как просим его, Бога ради, не шуметь по ночам.

Тишина
Все, что на дне и в вышине,
Живое, неживое,
Принадлежит все тишине
С поникшей головою.

Зачем кричать и рвать струну,
Охрипшую от лиха?
Мы только будим тишину,

Боясь того, что тихо.

Такого б оседлать коня,
Чтоб взвихрил все,
Но где там,
Как ни кричим, а тишина
Владеет белым светом

Мы множим суету одну,
Шумим и духом никнем,
Нахально будим тишину,
Внезапно сами тихнем.

Рыгор Бородулин

В ту ночь я, конечно, поначалу не спал – вслушивался в каждый шорох, но тишина была оглушающая, – и я провалился в сон. Сегодня вторая ночь наступает, сосед в это самое время стучать по дереву должен, а у него тишина. Счастье-то какое, Господи! Ну, почему я сразу по-хорошему не поговорил с человеком – мы бы давно славно и тихо жили. Учат, учат нас старцы, а мы и в ус не дуем: {«Если видишь погрешность ближнего, которую ты хотел бы исправить, если она нарушает твой душевный покой и раздражает тебя, то и ты погрешаешь и, следовательно, не исправишь погрешность погрешностью – она исправляется кротостью», – дал совет преподобный Иосиф (Литовкин).

С соседом мы теперь раскланиваемся при встрече: «С

добрым утром, Михаил Иванович!» «Здравствуйте, Александр Григорьевич!» А утро и вправду доброе...

Я люблю, когда при встрече мы знакомым и родным: «С добрым утром!», «Добрый вечер!», «Доброй ночи!» – говорим. Не от тяги к суесловью и сложилось не вчера это братское, с любовью, пожелание здоровья, пожелание добра. И живется вроде лучше, и на сердце веселей, коль другим благополучья пожелаешь на земле.

Александр Яшин

О тишине

Не истомленную, не праздную,
Не обеззвученную тьмой,
Я тишину люблю цветастую,
Живую, птичью надо мной.
Не безнадежную, не гневную,
Не вздрагивающую от шагов,
А полноправную, полдневную,
В свеченье трав, в огне снегов,
В шуршанье чаш, дождей качаний,
В простом спокойствии лица,
В сосредоточенном молчании
Мир создающего Творца.
Не ту, что стынет в скуке девственной,
А ту, что, полня день вокруг,
Закономерно и естественно
Родит и вскармливает звук.

Ирина Снегова

Это я написал вам «былинку-как-должно-быть», «былинку – сказку». В жизни, к несчастью, всё происходит наоборот: сосед как стучал молотком по гвоздям всю ночь, так и продолжал стучать. И нервы мои не выдержали – я обратился к знакомому, но власть имущему. И проблема, не могущая разрешиться годами, вдруг растворилась в воздухе. Не скрою, соседу внушения были сделаны с чувством, с толком, с расстановкой – не то, что мои писклявые прошения. И сосед внезапно перестал ночью продолжать работу, которую он делал на мебельной фабрике днём. А скоро ли пройдёт испуг – не знаю-не ведаю. Хотел по традиции присоединить стихотворение примерно с такой концовкой: «Кто-то по утрам с добром встаёт, а кто-то делает гадости», но пока не нашёл в своих тетрадях. Придётся написать самому – вольным стихом:

«Труженик»

Сосед подо мною – великий труженик.

Он рук не покладая, работает на фабрике мебельной,

Однако, платят ему не так чтобы много.

Поэтому он, обладая здоровьем, со сном не считаясь,

Прихватывает с фабрики – так, пустяки,

ненужные доски, фанеру и гвозди,

чтоб сделать, к примеру, стул на продажу.

А что тут худого? Своими руками

он делает стулья – прослужат века.
И всё б ничего – только делает ночью,
где гвоздь забивает он в голову мне.
Так каждую ночь – не неделю – годами
семейный бюджет столяра всё растёт.
А то, что сосед наверху ненормальный
и требует шум прекратить до утра, —
ну что он звонит и несёт ахинею?
Ещё православный, а нету терпенья...
Подумаешь, ночью стучат молотком!

А. Раков – после бессонной ночи

С добрым утром, Михаил Иванович!

...И всё-таки после долгих поисков я нашёл то стихотворение:

В жизни по-разному можно жить.
В горе можно. И в радости.
Вовремя есть. Вовремя пить.
Вовремя делать гадости.

А можно и так: на рассвете встать
И, помышляя о чуде,
Рукой обожженной солнце достать
И подарить его людям!

Сергей Островой

Сварен суп. Пора делить приварок

Холодища нынешнего февраля. Захожу в обшарпанный подъезд дома № 17 на Бронницкой, где удержалась пока редакция. На площадке стоит у батареи бомж – сразу видно по затасканному мешку-имуществу – греется. «Пойдем, хоть чаем напою», – поднимаюсь на третий этаж. Нашлась ему в пост мандаринка и несколько кусков хлеба. Одет прилично, лицо не старое, не испитое, с бородкой. Съел, попил чая с сахаром, не благодарил – видно, привык, что должны помогать. «Так что случилось-то?» – не удержался я. «Милиция в Гатчине паспорт отобрала; если продержат меня так полгода, пятьсот тыщ получат», – на полном серьезе отвечает. «Да что ты мелешь – твоя жизнь сейчас копейки не стоит». Продолжать разговор было бессмысленно. «Хочешь заработать – я газет на продажу дам, нам ничего не надо, а у тебя их разберут из жалости». «Да я при «Армии спасения», они и кормят, и одевают». Это он правду говорит. Я ушел в комнату, и он незаметно исчез.

Припомнил другой случай, когда чуть не взял бомжа на работу курьером, но на второй же день он напился за деньги от проданных газет. И еще долго я отбивался от него и его дружков, рвущихся «помочь» редакции. Больше не стану вспоминать. Одно скажу: у большинства этих опустившихся

людей напрочь искажено сознание. Дай им денег на жизнь, с жильем устрой, работенку предоставь – все едино бросят и уйдут шляться в мороз, по подвалам, с риском быть забитыми насмерть молодой шпаной ради тренировки ударов или своими же в пьяной драке. Никак не могу взять в толк, что движет этими нестарыми и внешне способными к труду людьми? И еще странность – всегда они в одиночку, редко вдвоем, разве что с испитой подругой. Только человек с нездоровой психикой может выбрать такую тяжелую и опасную жизнь. Или одержимый бесом.

Человек погибал на глазах,
по наклонной катился куда-то.
Мать давно пребывала в слезах:
«Может, в чем-то и я виновата?»

И сестра волновалась, и брат,
предлагали поддержку и помощь.
Не хотел он, катился как в ад,
как в подполье по жёлобу овощ.

И подруги его, и друзья
дружно руки тянули: «Возьми же!»
Он не слушал их, мимо скользя,
устремлялся все ниже и ниже.

Нонна Яворская

Шесть лет прошло со дня выхода в свет первой книги «Бы-

линки», где я писал о солдатах-инвалидах, стоящих в переходе метро на Невском. Сколько воды утекло за эти смутные годы, а они по-прежнему клянчат деньги по вагонам. Я лица их наизусть знаю, только сзади певцы в форме на своих двоих пристраиваются, а вожак прежний – без одной ноги. Неужто всю жизнь взялись попрошайничать? Неужто без ноги работы не найти? Да не желают они работать, раз легкие деньги ручейком сердобольная Россия в их жадные руки льет. Это порода такая, или профессия – кто их разберет... Сидит в инвалидном кресле с распухшей рожей, никогда он в армии не был, не знает, чем портянка пахнет, а тельник изпод камуфляжа выглядывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.